

УДК 32**Эготизм как форма политического лидерства в современном мире****Мамедов Агамали Куламович**

Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются метаморфозы современной политики. Раскрывается феномен эготизма в паттернах поведения ряда стран. Исследуется современный дискурс проблемы, ее формы конкретного проявления. Актуализируется феномен эксепционализма как распространенной модели самопрезентации и установки стран. Автор акцентирует внимание на то обстоятельство, что ценностная сфера представляет собой главенствующее звено в развитии любого общества. Отмечается влияние тех или иных ценностей на культуру личности, общества и государства. Делается вывод, что в современных реалиях феномен государственного эгоизма, в тех или иных формах и/или образах лидеров, проявляющийся на протяжении всей истории человечества, обретает новые черты. В заключении делается вывод о том, что феномен государственного эгоизма, в тех или иных формах и/или образах лидеров, проявляющийся на протяжении всей истории человечества, в условиях современности приобретает новое качество. Матрицы политической исключительности и национального превосходства, возведенные в ранг политического эготизма, становятся не только прямым следствием процессов, имеющих историческую природу, но и представляют собой искусственно созданные идеологические конструкты. Порождаемые «группами интересов» и закрепляемые средствами массовой информации, политиками и идеологами эти идеологические конструкты, базируясь на глубинных пластах культуры («архетипах коллективного бессознательного» по Юнгу), которые в примере с США, возвели такие архетипичные атрибуты как геноцид, рабство, социальная однополярность в идеологию государственного/национального эготизма, которая стала формой мышления, массовым стереотипом и поведенческим паттерном всего социума, стратегий «мирового господства» конкретного государства.

Для цитирования в научных исследованиях

Мамедов А.К. Эготизм как форма политического лидерства в современном мире // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 9А. С. 23-32.

Ключевые слова

Глобализация, постправда, окна Овертона, эготизм, эксепционализм.

Введение

Современные общественно-политические процессы актуализируют, а точнее, буквально «навязывают» исследователю субстантивный анализ одного из дискуссионных вопросов современности – феномена эгоизма. Причем анализ идет на всех ранжированных уровнях: политического лидера, партии или государства в целом. Не довольствуясь констатацией психологических характеристик, как то: высокомерие или нарциссизм, социологическая оптика рассматривает комплекс атрибутов сего феномена в динамике изменений. Во внутривнутриполитических аспектах данная проблематика связана с кардинальными изменениями социальной картины, повлекшей за собой радикальные изменения в мировоззренческих установках и культурных нормах, сознании и ценностных ориентирах, образе жизни и деятельностных практиках людей, к коим можно отнести глобализацию, менеджизм в его крайних вариантах, реакцию на наметившийся крен в сторону многополярности, а следовательно и нового варианта неопределенности [Мамедов, Писарева, 2019, с. 85-96; Рыжов, 2020, с. 29-44; Цибулевская, 2005, с. 142-143]. В коммуникативном пространстве появился принципиально новый феномен постправды с изменением и деформацией аксиологии политического контекста [Мамедов, 2021, с. 152-166].

Несомненно, что сама по себе парадигма управления из единого центра, когда то казавшейся устойчивой и незыблемой, есть отражение нового варианта социального развития, изменения поля деятельности, расслоения в обществе и в мире в целом. Вместо традиционной ромбовидной со стабилизирующей миссией среднего класса, актуализируется перевернутая «Т-образная модель» с полярной дифференциацией. Если раньше средний класс воспринимался основным демпфером в обществе, то теперь лишь как основной платежеспособный класс. Соответственно идет и эрозия его (среднего класса) жизненного мира. Первенство в триггерности социальных драйвов подхватывают иные социальные страты. Жесткая вертикаль при этом мыслится и как вертикаль информационных потоков. Условно это можно назвать «эффектом Месси», когда вся команда «заточена» и работает на одного лидера. Причем зачастую сия функция «Месси» самовольно и надолго присваивается себе странами Запада. Но вместе с тем никуда не делось и вытекающее из колониальных практик традиционное высокомерие, сугубо европоцентристская оптика исследования мира и непоколебимая убежденность в собственном мессианстве, некий политический нарциссизм. Внешнеполитические аспекты, обусловленные «стрессовыми» ситуациями, выступают не столько результатом объективных реакций стран и народов на проблемы эволюционных изменений, сколько концептуальными конструктами воли и интересов отдельных государств, которые навязываются другим субъектам международного общения и, приобретая перманентный характер, определяют межгосударственные отношения, активируют локальные конфликты и кризисы, разрастающиеся до общемировых масштабов. Установка: «Для них, но без них!» – меняется на иную парадигму: «Никто кроме нас!» Черно-белая, апробированная годами рамка исследования, объективно адекватная для шахмат или иных игр, не функциональна по отношению к сложившемуся многообразию мира и быстрой (по Хобсбауму) истории. Дихотомические конструкты современного мира отражают системность изменений, которые приобретая социентальный характер, затрагивают все уровни социального переформатирования.

В этих полилинейных процессах, попытки навязывания безусловно устаревших лекал, стресс-шоковое состояние которых вводит современное человечество в сингулярность, явно

прослеживается морально-нравственный контекст происходящего, высвечивая, консолидируя и обостряя весь спектр проблем бытия современного человечества. Эти проблемы, имеющие всеобщий характер, амбивалентны, они имеют историческую природу, корни которой заложены в «главной пружине в человеке, ... эгоизме, то есть влечении к бытию и благополучию» [Шопенгауэр, 1992].

С одной стороны, это влечение объективно и логично, оно лежит в основе многовекового ментального опыта и деятельностных практик, которые активируя творческое начало и выстраивая общественные взаимодействия, является двигателем прогресса и эволюции. Но, с другой стороны, оказываясь в фокусе экзистенциального бытия, основой и моралью жизнедеятельности социума, его безальтернативной правовой основой и целеполаганием лидеров, именно «главная пружина», трансформируясь, приобретает формы «группового эгоизма» и уже не в метафорическом аспекте, а как субстанциональная установка по безальтернативной интерпретации социально-политических процессов, формируя на этих интерпретациях морально-нравственные и мировоззренческие воззрения своих народов. Эта укоренившаяся и зачастую узаконенная система воззрений, в определенной степени отражающая действительность, оставаясь актуальной и в настоящее время, получила название «государственного эгоизма».

Основная часть

Проблематика «государственного эгоизма» имеет аутентичную историческую природу, и, появившись в фокусе внимания античных мыслителей, связывалась не столько с политическими действиями стран, сколько с иными субъектами/личностями правителей и политических лидеров, тайно или явно «рукой водивших» и «направлявших народы к цели». С этих позиций феномен «государственного эгоизма», исследуемый в рамках науки и получивший большое освещение в исторической мемуаристике и литературе, а позднее – в других научных сферах, сопряженный с характеристиками человеческого поведения, имел богатый дискурс, а следовательно и широкую палитру оценок. Навязанный в течение столетий одномерный и линейный историко-социальный дискурс привел к концепту «вторичного» развития или развития через обязательный повтор. Но высокомерие и эгоизм, в первую очередь, законсервировали социальную мысль и технологии самого Запада. В полный сосуд воды уже не залить-говорят на Востоке, на ином, но тем не менее важном и огромном культурно-историческом Плато. Запад, введенный в своих теоретических парадигмах в некий нарциссизм и любование статусом «вечнопередовой» модели развития не заметил иные, альтернативные варианты и весьма динамичные тренды цивилизационного развития. Если в начале XX века Киплинг писал, что де японцам никогда не следует быть столь амбициозными, в силу малочисленности и отсталости, то с середины 70-х гг. уже предпринимались на Западе экстренные протекционистские меры против японских товаров и в первую очередь автомобилей. Аналогичная картина и по Индии, когда в 1970 г. в Лахоре построили первый небоскреб. Не говоря уже об экономике современного Китая [Мамедов, 2021, с. 46-51], при анализе которого на Западе возникает диссонанс.

Социально-политические процессы в их историческом контексте и, особенно, в настоящее время, представляют результат достаточно большого набора противоречий и парадоксов синтеза паттернов традиционной элиты и новых элитных групп, причудливости изменения механизмов и каналов рекрутирования элиты и качества структурных изменений,

обусловленных появлением новых социальных страт [Мадалиев, 2016, с. 36-41; Мадалиев, 2016, с. 76-84]. В каждой эпохе эта противоречивость и парадоксы, со всей очевидностью и проявляющиеся в периоды парадигмальных сдвигов, отражают не только достигнутый уровень прогресса, когда «новое», входя в конфликт со «старым» поднимало цивилизацию на другую ступень развития, формируя новую культуру, религию и мораль, но и более глубокие цивилизационные трансформации. Но зачастую старое, переоснастив свой субстантивный капитал, возвращалось на арену бытия уже в иных тогах.

Антитезы парадигмальных сдвигов не только детерминируют функциональные характеристики элиты, кардинально изменяют всю систему отношений государственно-правового устройства внутри государства, и, принимая субстанциональный характер, формируют новый формат внутригосударственных и международных взаимодействий. С каждой эпохой приобретаются новые, во многом гипертрофированные качества национальной и/или государственной исключительности, которые транслируются как демонстрация защиты государственных интересов. И если в противоречиях и парадоксах ранних периодов истории, в силу религиозных и культурных «сдержек», прослеживается неразрывная связь собственно эволюционного развития и исторических персон, чьи личности, индивидуальная харизма, по сути, становилась «лицом эпохи», создавая ассоциативный образ исторического этапа и/или конкретного государства, то, начиная с эпохи Нового времени, парадоксы формирования элиты как «лица эпохи» трансформируются в качественно новое качество. Эпоха Просвещения, отбрасывая «старый культурный код», сбросила и моральные устои – Я – есть тело и я мыслю. И само существование человека было сведено лишь к Cogito. И требование Декарта- *Mors geometriko* оказалось не совсем аутентичным в интерпретации истории. Историческая драматургия не выстраивалась по лекалам той или иной группы сценаристов. И не была детерминирована лишь монохромными факторами.

Национальный/государственный эгоизм не изменяет свою самость, имманентную суть, но изменяет форму своей самопрезентации и из субъективного стремления лидера-правителя укрепить и расширить свое государство становится целью определенных «групп интересов». А стремление к цели, зачастую корыстной лишь, начинает позиционироваться как «добрая воля и выбор народа». Лозунги и воззвания первых революций: будь то права человека или «равные возможности», возведенные в ранг национальных идеологий, становятся по сути лишь инструментом управления/манипуляции общественным сознанием и новой формой общественно-политических отношений, расширяются до формата национального/государственного эгоизма и устанавливаются как непреложная мера общественного бытия. В этих условиях лидеры, из субъектов-акторов, «делающих историю» превращаются в агентов/актантов, проводящих политику «групп интересов», политических партий, возводя ее со всей присущей им харизматичностью и мощью своего индивидуального «эго» в статус государственной идеологии. Но сей политический сервиллизм поневоле приводит и к десакрализации самих политиков, ибо со временем детерминированность их деяний становится очевидной.

Парадигмальные управленческие кризисы, приобретшие глобальный масштаб, актуализировали проблематику научного исследования роли в этих процессах лиц, принимающих стратегические решения, выступающих «лидерами мнений и воли» отдельных государств. Феномен лидерства, оказавшись, в силу изменения темпов исторического развития, вновь в фокусе внимания научного сообщества, получает качественно новое освещение. Уйдя из сферы политической психологии и мемуаристики, лидерство становится ярким мейнстримом

научного дискурса последних десятилетий, предметом острых политических дискуссий. Современные исследователи концепта лидерства связывают возросший интерес к данной проблематике как с изменениями, а точнее, с серьезным кризисом реальной политики, так и с дефицитом ярких лидеров на мировой политической арене. Личность лидера, порождаемой политическим кризисом и проверяющейся кризисом на способности вести за собой массы (по Е. Вятру [Вятр, 2019, с. 7-24]) возвращает исследователей к ставшему традиционным вопросу о том, что важнее – приоритет личности, «делающей историю» или же доминирование общественно-политической ситуации, «рупором» которой выступает лидер. Но если исторически, начиная с древнегреческого идеала лидеров-мудрецов Аристотели и Платона, трансформировавшихся в сакральный образ средневекового владыки и более поздний культ монарха, личность лидера оформила патернализм как единственно возможную форму внутригосударственных отношений, то эпоха Нового времени с волнами революций и формационными сдвигами во властном механизме и ситуации, аналогов которых не было ранее, выдвинули на первый план качественно новый образ лидера, позиции которого зависели не только от того, какие идеи предлагает лидер, насколько велика мощь его «эго», сколько от того, какие силы стоят за его спиной. По сути, уже эпоха Нового времени с посылом секуляризма оформила базовые конструкторы политического эгоизма, модели которого постепенно вышли за границы образов конкретных политических лидеров и стали ассоциироваться с конкретными партиями конкретных государств. На протяжении XX века конструкторы политического эгоизма получив импульс от создания нового варианта олигархата, слияния политической, промышленной и банковской элит и не менее мощную информационную поддержку стремительно расширяющих свое влияние СМИ [Рыжов, 2023, с. 88-89], закрепляются как государственные парадигмы, манипулируя общественным сознанием и создавая новые модели мировоззренческих установок, ценностных ориентиров, моральных норм и паттернов поведения. Как справедливо отмечает Х.С. Шагбанова, оперирование информацией выражается в предметно-целевом общении, регламентированном социокультурными нормами, стандартами и моделями речевого поведения [Шагбанова, 2020, с. 77]. Новые мировоззренческие модели становятся социокультурным фоном, в рамках которого политические партии получают поддержку масс для реализации своих амбиций и/или интересов, в большей части экономических, позиционируя свои амбициозные планы как национальные потребности. Раскручивая «главную пружину в человеке» и возведя имманентное эгоистическое начало в общественную силу, политические партии, создают ассоциативный образ единства «партия-государство», консолидируют общество вокруг своих амбициозных целей, создавая иллюзии национально-государственной идентичности. Политический эгоизм приобретает формы государственного эгоизма, когда стремление обеспечить страну необходимым уровнем благополучия, реализуется через внутреннюю и внешнюю деятельность в соответствии со своими суверенными интересами (уже закрепленными в новом формате политических амбиций) не только не совпадает, но и входит в противоречия с интересами других государств, ввергая страны и в военные конфронтации, и в экономические и финансовые кризисы, нанося ущерб международному сообществу.

Выходя за пределы внутригосударственной экономической деятельности, направленной на рост национального благополучия, государственный эгоизм формирует новый формат международной морали, которая сквозь призму «окон Овертона» модифицирует традиционные ценности и подходы к межгосударственным отношениям. За проявлением сего стоит жестокая идеология «двойных стандартов», при которых прагматичные интересы отдельных финансово-

экономических групп подменяются необходимостью решения глобальных проблем. Подобный эгоизм в политике характерен по сути для всех буржуазных государств как Старого, так и Нового света, но именно в рамках политической идеологии США государственный эгоизм выражен наиболее ярко [Фукуяма, 2010]. И действительно, государства, и не только буржуазные, на протяжении всей эволюции современной цивилизации руководствовались в политике принципами рационального государственного эгоизма, что вполне объяснимо, но всегда находились лидеры, чей политический, а точнее личностный эгоизм, разрастаясь до политического эгоцентризма, вводил в военный хаос страны и народы. «Тому в истории мы тьму примеров слышим» – Карл XII, Наполеон, Саддам Хусейн, Гитлер и т.д. Но, отличительной особенностью США можно назвать тот факт, что эгоизм не является характерной чертой лишь только их политических лидеров, он возводится в ранг государственной идеологии и общественной морали и пропагандируется с такой убежденностью, что его трансформация в политический эгоизм сегодня уже не вызывает сомнений.

Именно Запад стал социальным пространством, на котором капиталистический рынок с наибольшей очевидностью обнажил социально-политический и идеологический дуализм. Мораль и нравственность, заточенные на экономическом благополучии и стремлении к богатству любой ценой, пропагандируется в контексте «величайших достижений великой державы», единственно способной преодолеть любые трудности не только внутри страны, но и победить «мировое зло». Этот постулат недвусмысленно начинает постулироваться после Второй мировой войны и, по сути, активизирует новую роль США на международной арене – роль глобального мирового регулятора.

В условиях десинхронизации международных отношений, поляризации международного пространства, острого противостояния с Советским Союзом, идеология государственного эгоизма стала единственной возможностью нивелировать внутригосударственный кризис, в который США начали входить во второй половине XX века. Страна, развитие которой, по сути, представляло собой алгоритм реализации искусственных социальных конструктов, морали «двойных стандартов» и культуры массового потребления, возведенных в ранг государственной идеологии, входила в противоречия со своим обществом, особенно во время военных действий в Индокитае. Многочисленные пацифистские движения, рост социальных протестов, остро наметившаяся полярность общества подвели страну к политическому коллапсу. Идеология «американской мечты» и «победителя мирового зла» были ослаблены, социальная повестка требовала новых конструктов, способных консолидировать общество «перед новым врагом». Целью, которую должно защищать (любыми средствами) американское общество становится сама *демократия* в оптике американского истеблишмента. Сначала Дж. Картер, а затем Р. Рейган обозначили новый жупел, новый фронт борьбы с «недемократичными» странами, по сути, актуализировав идеи новых Крестовых походов. Правда, в иной, в своей модификации. Но, американское общество, совершенно спокойно принимает и превозносит их как «глашатаев демократических устоев». «Великая цель» допускает внесистемные решения экстраординарных политиков, такая идея превращалась из маргинальной в мейнстрим, не заметив при этом, что скоро все «заразилось» эгоизмом.

Этот период можно назвать, пользуясь терминологией К. Ясперса, «осевым временем» в истории США и всего мира в целом [Таравков, 2017, с. 118-123]. Именно калейдоскоп идеологических противоречий становится мощнейшим плацдармом для трансформации государственного эгоизма в политический эгоизм, ареной которого стало мировое пространство. Апробировав и закрепив в американском мировоззрении мораль «двойных

стандартов» и идеологию эксепционализма (исключительности), «Запад-Сад», транслирует всю совокупность оксюморонов демократических принципов как стратегию своей международной политики и практически самовольно берут на себя роль мирового проводника и защитника демократических интересов.

Анализ мировой прессы показывает, что на протяжении второй половины XX века США вели активную политику по «защите интересов демократии», которая в различное время принимала вариативные формы, в которых перманентно смешивались правовые и моральные категории для идеологического обоснования исключительно собственных интересов, предполагающих возвышение своего (и только своего) государства, своей идеологии, культуры и экономики на фоне и за счет других народов и стран. Так, участие в войне во Вьетнаме, оставившей заметный след в Новейшей истории как один из самых кровавых конфликтов XX века, позиционировалась США как борьба за освобождение Южного Вьетнама от коммунистической экспансии, а уже через десять лет, лоббируя свои интересы, США оказывают финансовую и дипломатическую поддержку экстремистским ультралевым организациям, забыв на некоторый период о вековой борьбе за демократию.

После распада СССР, уверовав себя в окончательной победе, вектор международной пропаганды США существенно изменяется и на политической арене распространяется идеологическая стратегия «защиты демократии» и «спасения несостоявшихся государств», которая на практике оборачивается «цветными революциями», сменой политических лидеров, идеологической культурной колонизацией. «Макдональдизация» культурного поля стран с некогда богатейшим культурным наследием приобретает характер императива. Основанные на идеологии эксепционализма и государственного эгоизма, манипуляционная политика США, не только позволяет поддерживать, в первую очередь, экономическое благополучие своего народа, сохранять внутренний социальный и политический баланс, но и целенаправленно изменяет ход развития современной цивилизации, распространяя право «исключительной» юрисдикции на систему межгосударственных отношений, создавая пространство однополярного мира с государством-эталоном во главе.

Сегодня, на фоне слома системы традиционных социокультурных ценностей, который принял глобальные формы, в международной политике США активно реализуются технологии «окон Овертона», когда, казалось бы, неоспоримые в историческом контексте действия США позиционируются как события, инициируемые другими странами. А члены международного сообщества, руководствуясь своими собственными эгоистичными интересами, принимают конструкты дезинформации как исторические факты априори. Так, западная пресса активно муссирует исключительную победу США во Второй мировой войне, а японская молодежь, спустя всего лишь 80 лет, принимает «доказательства» того, что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки совершены либо СССР, либо иным государством, но только не США.

Эти активно постулируемые мифы, получают широкое освещение, мифодизайн внешнеполитического нарратива становится нормой [Азина, 2014]. В научном сообществе и университетах в первую очередь проводятся интенсивные исследования «исторических фактов» исключительности и эталонности США, а государство посредством законов легализует принцип экстерриториальности, позволяющий распространять американскую юрисдикцию за пределы страны и «программы сдерживания» России, Китая, Ирана и иных «недружеских юрисдикций». Активно к такой «великой» задаче при помощи грантов подключаются и зарубежные студенты. Политики возводят идеи исключительности и государственного эгоизма в ранг стандартов бытия. Причем для всех. И эти действия, направленные на продвижение идеи

превосходства, при таком финансировании дают результат. Опрос общественного мнения, проведенный в уже далеком 2010 г. Институтом Гэллапа, показал, что 80% жителей США считают свое государство исключительным (величайшей страной в мире), а в Стратегии национальной безопасности США 2015 г. такие термины как «лидер», «лидерство» и их производные, в отношении США упоминаются 94 раза [Клишас, 2023].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что феномен государственного эгоизма, в тех или иных формах и/или образах лидеров, проявляющийся на протяжении всей истории человечества, в условиях современности приобретает новое качество. Матрицы политической исключительности и национального превосходства, возведенные в ранг политического эгоизма, становятся не только прямым следствием процессов, имеющих историческую природу, но и представляют собой искусственно созданные идеологические конструкты. Порождаемые «группами интересов» и закрепляемые средствами массовой информации, политиками и идеологами эти идеологические конструкты, базируясь на глубинных пластах культуры («архетипах коллективного бессознательного» по Юнгу), которые в примере с США, возвели такие архетипичные атрибуты как геноцид, рабство, социальная однополярность в идеологию государственного/национального эгоизма, которая стала формой мышления, массовым стереотипом и поведенческим паттерном всего социума, стратегий «мирового господства» конкретного государства. Показательна даже формулировка нобелевской Премии по экономике за 2024 год, где рефреном звучит мысль о благе колонизаторства для народов третьего мира. При этом, позиционируя себя в качестве мирового лидера и политического эталона, страны, взявшие курс на реализацию политики государственного/национального эгоизма, распространяя идеологию псевдодемократии или же стремясь приобщить мир к разделяемым их социумом ценностям, на практике разрушают традиционные государственные институты, мораль, культуру и ценности других стран и народов, не привнося при этом ничего позитивного и созидательного в развитие отдельных государств и мирового сообщества в целом.

Библиография

1. Азина О.А. Мифодизайн как средство формирования имиджа современной России в европейском общественном мнении / Автореф. дис. ... к.с.н. – М., 2014. – 24 с.
2. Вятр Е.И. Новый авторитаризм: кризис или конец либеральной демократии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 1. – С. 7-24.
3. «Историческая амнезия поражает США». Историк о заявлении, что это СССР разбомбил Хиросиму [Электронный ресурс] // Федеральный портал истории России. – URL: <https://histrf.ru/read/articles/istorichieskaia-amnieziia-porazhaet-ssha-istorik-o-zaiavlienii-cto-eto-sssr-razbombil-khirosimu> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Клишас А. Нацизм в новой форме. Что скрывается за идеологией исключительности и превосходства США [Электронный ресурс] // RGRU. 31.01. 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/01/30/nacizm-v-novoj-forme.html> (дата обращения: 12.09.2024).
5. Мадалиев М.М. Динамика и позиционирование современной политической элиты в развитии кыргызского общества // Вестник развития науки и образования. 2016. № 1. – С. 36-41.
6. Мадалиев М.М. Политическая элита в социальных изменениях кыргызского общества // Научная мысль. 2016. № 2. – С. 76-84.
7. Мамедов А.К. Деконструкция культурного пространства: смерть текста // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 3. – С. 152-166.
8. Мамедов А.К. Социологические и этнокультурные аспекты развития сибирскотатарского народа // Общество и государство. 2024. № 2 (46). – С. 18-22.

9. Мамедов А.К. Цивилизационная бифуркация большого Ближнего Востока // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. № 1. – С. 46-51.
10. Мамедов А.К., Писарева Л.Ю. Глобализация как проект постмодерна: социологическая оптика // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). – С. 85-96.
11. Рыжов В.Б. Диалектика глобализации и регионализации в правовом пространстве государств и международных организаций [Электронный ресурс] // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 1. – С. 29-44. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30979 (дата обращения: 12.09.2024).
12. Рыжов В.Б. Конституционные основы журналистской деятельности // Международная научно-практическая конференция «Конституционные права и свободы в контексте диалога: государство и общество». Международный славянский институт, г. Москва, 16 декабря 2022 г. / Ред. коллегия: Никитина Т.Е., Смирнова Е.С., Пестравкин А.А. – М., б/и, 2023. – С. 86-89.
13. Таравков К.В. Понятие осевого времени у К. Ясперса и Н. Бердяева. Вестник РУДН. Серия философия. 2017. Т. 21. № 1 (2017). – С. 118-123.
14. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010. – 222 с.
15. Цибулевская О.И. Глобализация: нравственно-правовой аспект // Правовая система России в условиях глобализации: Сборник материалов «круглого стола» / Под ред. Н.П. Колдаевой и Е.Г. Лукьяновой. – М.: Ось-89, 2005. – С. 142-143.
16. Шагбанова Х.С. Языковые средства речевого манипулирования // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 5А. – С. 72-80.
17. Шопенгауэр А. Об обосновании морали / Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992. – 448 с.

Egotism as a form of political leadership in the modern world

Agamali K. Mamedov

Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of sociology of communication systems,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the metamorphoses of modern politics. The phenomenon of egotism in the patterns of behavior of a number of countries is revealed. The modern discourse of the problem, its forms of concrete manifestation are studied. The phenomenon of exceptionalism as a common model of self-presentation and attitude of countries is updated. The author focuses on the fact that the value sphere is the main link in the development of any society. The influence of certain values on the culture of the individual, society and the state is noted. It is concluded that in modern realities the phenomenon of state egoism, in certain forms and/or images of leaders, manifested throughout the history of mankind, is acquiring new features. In conclusion, it is concluded that the phenomenon of state selfishness, in various forms and/or images of leaders, manifested throughout the history of mankind, acquires a new quality in modern conditions. The matrices of political exclusivity and national superiority, elevated to the rank of political egoism, become not only a direct consequence of processes of a historical nature, but also represent artificially created ideological constructs. Generated by "interest groups" and consolidated by the media, politicians and ideologists, these ideological constructs, based on the deep layers of culture ("archetypes of the collective unconscious" according to Jung), which, in the example of the United States, elevated such

archetypal attributes as genocide, slavery, social unipolarity into the ideology of state/national egoism, which became a form of thinking, mass stereotype and behavioral pattern of the entire society, strategies of "world domination" of a particular state.

For citation

Mamedov A.K. (2024) Egotizm kak forma politicheskogo liderstva v sovremennom mire [Egotism as a form of political leadership in the modern world]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (9A), pp. 23-32.

Keywords

Globalization, post-truth, Overton window, egotism, exceptionalism.

References

1. Azina, O. A. (2014). Mythodesign as a means of shaping the image of modern Russia in European public opinion (Abstract of dissertation for the degree of candidate of political science). Moscow, Russia: Author.
2. Vyatr, E. Y. (2019). New authoritarianism: Crisis or the end of liberal democracy. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 1, 7-24.
3. "Historical amnesia strikes the USA." *Historian on the statement that it was the USSR that bombed Hiroshima* [Electronic resource]. (2024). Federal Portal of Russian History. Retrieved September 12, 2024, from <https://histrf.ru/read/articles/istorichieskaia-amnieziia-porazhaet-ssha-istorik-o-zaiavlienii-cto-eto-sssr-razbombil-khirosimu>
4. Klishas, A. (2023). Nazism in a new form: What is behind the ideology of exceptionalism and superiority of the USA [Electronic resource]. RGRU. Retrieved September 12, 2024, from <https://rg.ru/2023/01/30/nacizm-v-novoj-forme.html>
5. Madaliev, M. M. (2016). Dynamics and positioning of the modern political elite in the development of Kyrgyz society. *Bulletin of Science and Education Development*, 1, 36-41.
6. Madaliev, M. M. (2016). The political elite in social changes of Kyrgyz society. *Scientific Thought*, 2, 76-84.
7. Mamedov, A. K. (2021). Deconstruction of cultural space: The death of the text. *Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science*, 27(3), 152-166.
8. Mamedov, A. K. (2024). Sociological and ethnocultural aspects of the development of the Siberian Tatar people. *Society and State*, 2(46), 18-22.
9. Mamedov, A. K. (2021). Civilizational bifurcation of the Greater Middle East. *Journal of Belarusian State University. Sociology*, 1, 46-51.
10. Mamedov, A. K., Pisareva, L. Yu. (2019). Globalization as a postmodern project: Sociological optics. *Theory of State and Law*, 4(16), 85-96.
11. Ryzhov, V. B. (2020). Dialectics of globalization and regionalization in the legal space of states and international organizations [Electronic resource]. *International Law and International Organizations*, 1, 29-44. Retrieved September 12, 2024, from <https://nbpublish.com/libraryreadarticle.php?id=30979>
12. Ryzhov, V. B. (2023). Constitutional foundations of journalistic activity. In T. E. Nikitina, E. S. Smirnova, A. A. Pestravkin (Eds.), *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Constitutional Rights and Freedoms in the Context of Dialogue: State and Society"* (pp. 86-89). Moscow, Russia: International Slavic Institute.
13. Taravkov, K. V. (2017). The concept of axial time in K. Jaspers and N. Berdyaev. *Bulletin of RUDN University. Philosophy Series*, 21(1), 118-123.
14. Fukuyama, F. (2010). *Strong state: Governance and world order in the 21st century*. Moscow, Russia: AST; Vladimir: VKT.
15. Tsibulevskaya, O. I. (2005). Globalization: Moral and legal aspects. In N. P. Koldaeva E. G. Lukyanova (Eds.), *Legal system of Russia in the context of globalization: Collection of materials from the round table* (pp. 142-143). Moscow, Russia: Osy-89.
16. Shagbanova, H.S. (2020). Linguistic means of speech manipulation. *Theories and Problems of Political Research*, 9(5A), 72-80.
17. Schopenhauer, A. (1992). *On the justification of morality / Schopenhauer, A. Free will and morality*. Moscow, Russia: Respublika.